

В книге освещены социальные вопросы. Но их постановка в целом не вполне удовлетворяет. Выше говорилось, что автор отказывается установить социальные явления, ссылаясь на скудость источников; тем не менее даже в этом скудном материале подчас содержатся указания на особенности социального строя, классовую борьбу. В общем построении и расположении глав вопросы социальной истории ставятся после политических. Например, в главе 4 (раздел II): «Производство и торговля. Политическая история Синопы и Амиса. Состав населения. Государственное устройство. Культура». Здесь о социальном строе кратко сказано в параграфе о составе населения. Нельзя считать удачным построение материала в разделе III, где глава «Политическая история, государственное устройство и социальный строй» предшествует главе «Производство и торговля». Подобное расположение имеет место и в разделе IV. Конечно, нередко для объяснения социально-экономической истории приходится прибегать к уяснению политической обстановки, но приходится возражать, если это превращается в систему.

Большое место занимают в книге М. И. Максимовой события Митридатовых войн. Здесь высказаны новые интересные мысли, сделаны глубоко обоснованные выводы по спорным вопросам. Так, очень интересно высказанное автором предположение о попытке Митридата унифицировать денежное обращение в городах Понтийского царства (стр. 228). На наш взгляд, автор удачно решает вопрос о расстановке социальных сил в Синопе и Амисе в период третьей войны Митридата с Римом. Автор показывает, что демократические слои Синопы были на стороне Рима, а правящая знать была заинтересована в поддержке Митридата. «Ведь несомненно, что греческие города никогда не придерживались единой линии поведения и их ориентация была различной в зависимости от конкретных условий, в которых находился каждый город» (стр. 263, прим. 3, ср. также стр. 274—275).

Видимо, эти конкретные условия для Синопы (и Амиса) состояли в том, что в отличие от других греческих городов Малой Азии, особенно городов провинции Азии, население Синопы еще не представляло характера римского гнета, зато ощущало угнетение со стороны понтийских царей, а главное, ненавидело местную знать, связавшую свою судьбу с Митридатом. Поэтому синопский демос мог ориентироваться на Рим.

Однако никак нельзя согласиться с М. И. Максимовой в оценке режима Аристона в Афинах во время первой Митридатовой войны. «Краткий период господства Митридата в Афинах ознаменовался режимом террора введенным там ставленником Митридата афинянином Аристоном. Опираясь на воинский отряд в 2000 человек, предоставленный ему Ахелаем из состава понтийской армии, он навел ужас на население Афин, искореняя симпатии к Риму. Многие из жителей города искали спасения в бегстве и, согласно рассказу Плутарха, направились тогда в Амис» (стр. 252). Митридат развязал антиримские силы и в Азии и в Элладе. В Афинах под влиянием общего движения против Рима обострилась социальная борьба, увенчавшаяся демократическим переворотом. Характер движения Аристона не вполне ясен. Но очень возможно, что он в своих действиях пошел гораздо дальше планов Митридата. Только этим можно объяснить бегство граждан в Амис. Это были скорее всего состоятельные граждане.

Суждения автора, относящиеся к периоду римского господства, не вызывают возражений. Верно подчеркивается стратегическое значение провинции Вифиния — Понт (стр. 310) в парфянской и северопричерноморской политике Рима (стр. 319).

Особенно ценным представляется изучение культуры городов юго-восточного Причерноморья в античный период. Так, например, детали архитектурного оформления позволили автору установить пути колонизации Амиса. Исследуя религиозные культы, М. И. Максимова использует монеты. Обращено внимание, что культ Кибелы «видимо, не сумел укрепиться в припонтийских греческих городах» (стр. 415). Интересно, что в соседней Гераклее, как видно по монетам IV века до н. э. периода тирании, существовал культ древней богини-матери. Области вокруг Синопы и

Амиса, должно быть, подверглись большей эллинизации, в то время как вокруг Гераклеи жили туземцы-марсиандины, продолжавшие держаться древних культов, что повлияло и на нумизматику Гераклеи.

Малая Азия, как известно, была крупным очагом развития христианства, но в книге о христианстве в Синопе, Амисе, Транезунде замечено лишь вскользь.

Слишком скупо (что, правда, отчасти связано с недостатком источников) говорится в книге о характере и степени эксплуатации рабов. Наконец, нельзя согласиться с автором, когда в общем заключении о социальном развитии юго-восточного Причерноморья в римский период в числе землевладельцев упомянуты «помещики». Эта терминология не приемлема и для поздней империи, не говоря уже о I—III вв. н. э.

В целом труд М. И. Максимовой по глубине содержания и богатству фактического материала, рассмотренного на основе марксистско-ленинской методологии, представляет ценное исследование, ценное тем более, что оно посвящено области мало изученной, а между тем очень важной в историческом развитии всех стран Причерноморья.

В. Дзагурова

G. MIHAILOV. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. V. I. Inscriptiones orae Ponti Euxini. Serdicae MCMLVI, 262 стр., 122 табл., (4 стр.)

Выход в свет первого тома корпуса греческих надписей Болгарии — значительное явление в эпиграфической литературе последнего времени. За пятьдесят лет, истекших после опубликования сводного труда Э. Калинки «Античные памятники Болгарии», найдено много новых надписей. Сравнения ради укажем, что за период 1940—1955 гг. в Одессе было обнаружено свыше 160 новых надписей против 47, найденных в 1900—1939 гг., и 58, известных к 1900 г.¹ Наряду с публикацией новых находок шла также интенсивная работа над уже изданными памятниками с исторической, филологической и искусствоведческой точек зрения. Достаточно упомянуть о публикациях Б. Филова, К. Шкорпила, Д. Дечева, Д. Цончева, М. Мирчева, В. Бешевлиева, а также об исследованиях Г. И. Кацарова, Хр. М. Данова, Т. В. Блаватской и самого Г. Михайлова, который своими работами о греческих эпитафиях из Болгарии и о языке греческих надписей Болгарии заложил необходимые филологические основы для корпуса².

Рецензируемое издание — результат двенадцатилетнего кропотливого труда, за который научная общественность будет, несомненно, благодарна Г. Михайлову.

Говоря о технической стороне издания, необходимо подчеркнуть, что Г. Михайловым были заново сличены почти все надписи, хранящиеся в болгарских собраниях³. Сличение надписей по камням — первое и основное требование эпиграфической науки, само по себе представляет большой труд, требующий глубоких специальных зна-

¹ Для Месембрии и Аполлонии соответственные цифры не столь высоки: 14 новых памятников из Месембрии и 36 из Аполлонии против 35+8 и 26+20 находок более ранних периодов.

² Г. Михайлов, Гръцките епитафии от българските земи. «Годишник на Софийския ун-т», истор.-филол. ф-т, т. 39 (1942—43), т. 40 (1943—44) и т. 48 (1952—53) — филол. ф-т; G. Mihailov, La langue des inscriptions grecques en Bulgarie, «Phonétique et morphologie», Sofia, 1943 (Университетская библиотека, т. 279).

³ Надписи заграничных музеев изданы Г. Михайловым по фотоснимкам и эстампажам.

ний и многолетнего опыта. Если еще к этому прибавить, что издателю древних надписей необходимо учесть все издания предшественников⁴, восстановить фрагментарные тексты, руководствуясь исследовательским чутьем и тактом при одновременном соблюдении технических критериев реконструкции, а также прокомментировать наиболее существенные или спорные моменты в содержании памятников, то станет ясным, сколько труда проф. Г. Михайлов вложил в свое издание.

Вместе с тем следует отдать должное нашему издателю, который сумел строго ограничить объем своей публикации, исключив из лемм археологическое описание памятников, обойдя в комментариях молчанием неправильные чтения ученых предшественников (они приводятся только в том случае, если камень не сохранился) и не затрагивая лингвистические и ономастологические вопросы, освещенные в работах Г. Михайлова и Д. Дечева⁵.

Действительно, наличие хороших фотоснимков в эпиграфическом издании делает излишним не только подробное словесное описание надгробного памятника, но и печатание текста надписи *maiusculis*, как это практиковалось в конце прошлого и в начале нынешнего века (В. В. Латышев, Э. Калинин и др.)⁶. Думается, что опыт проф. Г. Михайлова, столь успешно применившего принципы *editio minor* при осуществлении свода греческих надписей Болгарии, привлечет внимание эпиграфистов, работающих над северопричерноморскими надписями⁷.

Далее, правильным представляется нам издание корпуса на латинском языке как с точки зрения продолжения эпиграфической традиции, так и усиления международных научных связей, хотя в последние десятилетия своды античных надписей чаще публикуются на новых языках⁸.

Весьма полезны также подробные указатели. В дальнейшем автор предполагает последний (пятый) том своего издания посвятить указателям ко всему сборнику.

Перейдем к более детальному ознакомлению с содержанием рецензируемого тома. В первый том I Gr В вошло около 470 надписей⁹, расположенных по географическому принципу в том порядке, в каком следуют греческие колонии на черноморском побережье Болгарии от Карон Лимен на севере до Ахтополя на юге. Наибольшее количество надписей происходит из следующих пунктов: Дионисополь (№ 13—34), Одесса (№ 35—304), Месембрия (№ 307—367), Анхиал (№ 368—377), Бургас (№ 378—

⁴ Г. Михайлов не смог получить целый ряд изданий более древних, чем корпус А. Бёка, которые отсутствуют в библиотеках Болгарии (стр. 7). Имеются некоторые пропуски в эпиграфической литературе XIX—XX вв., в том числе в русской, как, например, ЗООИД, т. XI; ВДИ, 1938, № 3 и др. (ср. леммы к № 37, 39, 41).

⁵ Mihailov, *La langue...*; D. Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, Wien, 1957 (Oesterr. Akad., Phil.-hist. Klasse, Schriften d. Balkankommission, Linguist. Abt., XIV).

⁶ Известно, что, несмотря на наличие в корпусе В. В. Латышева подробных описаний памятников (для условий конца XIX в. это было безусловно моментом положительным), уже в начале XX в. потребовалось особое археологическое издание надгробий юга СССР, осуществленное Г. фон Кизерицким и К. Вацзингером (G. von Kieseritzky — C. Watzinger, *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*, В., 1909).

⁷ Следует напомнить, что покойный акад. С. А. Жебелев, как явствует из его бумаг (Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, № 34), именно таким образом предполагал переиздать второй том корпуса В. В. Латышева.

⁸ Ср. хотя бы «*Monumenta Asiae Minoris Antiqua*», Manchester, 1928; A. Hoffer, *Antike Inschriften aus Jugoslawien*, Beograd — Zagreb, 1938; И. И. Толстой, *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*, М.—Л., 1953.

⁹ Из общего количества 475 надписей надо вычесть 7: № 310-388, 311-39, 329-374, 352, 368-319, 470 и 471.

387), Аполлония (№ 388—473). По содержанию далеко не все надписи равноценны. Выделяются декреты (№ 13, 35—45, 307—317, 388—394), каталоги (№ 6, 14, 46—56, 401), почетные и посвяжительные надписи (№ 16, 18, 57—68, 320, 396, 76—78, 283—288, 324—326, 370—374, 399, 400) и надгробные эпитафии (№ 219—229, 344—348). К сожалению, многие из них дошли до нас в весьма фрагментарном состоянии. Остальные надписи, преобладающее большинство которых — очень краткие надгробные записи, представляют главным образом интерес для ономастологии и этнологии античной Фракии. В этом отношении греческие надписи Болгарии поразительно напоминают северопричерноморский и особенно боспорский эпитафический материал¹⁰. Такое же совпадение прослеживается и в хронологическом плане. Надписей классического времени немного. Исключение составляет Аполлония, где надписей V—IV вв. свыше 50. Здесь встречаются даже надписи VI в. и начала V в. (№ 404, 405).

Среди новых надписей можно отметить № 1 (посвящение III в. из Твырдицы), в которой упоминается жрец, спасшийся из варварского плена. Любопытно выражение $\lambda\eta\varphi\theta\iota\varsigma \upsilon\pi\acute{\alpha} (!) \tau\acute{\omega}\nu \beta\alpha\rho\beta\acute{\alpha}\rho\omega\nu$, соответствующее латинской фразе *resertus ex captivitate barb(arorum)* из *CIL*, III, 12455. Надпись № 47 (Одесс, 215 г. н. э.) содержит каталог фиаса $\Theta\epsilon\omicron\upsilon \text{ Μεγάλου Δερζελα}$, который в соответствии с античным миропониманием иногда именуется просто $\Theta\epsilon\omicron\varsigma \text{ Μέγας}$ (ср. № 150). Если не ошибаюсь, в издании Г. Михайлова не упомянута в этой связи работа Бр. Мюллера «Μέγας Θεός» (*Ex dissert. philol. Hallen.*, XXI, 3, Halle, 1913).

Надпись № 65 (Одесс, римское время), хотя не дает достаточно оснований заключить, что к союзу шести западнопонтийских городов принадлежала именно Месембрия (можно, введя за Хр. Дановым, читать $\kappa\alpha\iota [\text{Ρ}]\text{Απολλωνιατῶν}$ по аналогии с № 320 вместо $\kappa\alpha\iota [\text{Μεσσεμβριατῶν}]$ издателя), ценна самим свидетельством о так называемом гексаполе. Небезынтересна надпись № 77 из Одессы, сообщающая о синоде рыбаков, занимавшихся ловлей тунца ($\theta\upsilon\nu\epsilon\iota\tau\alpha\iota$). Из надгробных надписей можно упомянуть № 215 из Одессы, содержащую предупреждения-проклятия по адресу возможных осквернителей захоронения, стихотворную эпитафию № 344 (Месембрия, I в. до н. э.) в честь гражданина, погибшего на войне с бессами, и надгробную эпитафию Юлии, дочери Никия (№ 345), содержащую интересную греко-фракийскую этимологию названия города Месембрия: $\text{Μεσσεμβρία} (!) \delta\acute{\epsilon} \mu\upsilon (!) \text{πατρὶς ἀπὸ} [\text{Μ}]\acute{\epsilon}\lambda\sigma\alpha \kappa\alpha\iota \beta\rho\iota\alpha$ (стр. 4)¹¹.

В плане политической истории значительный интерес представляют декреты. Отметим декреты из Одессы: № 40 начала II века до н. э. в честь Фарнака I Понтийского и № 43 в честь Меногена, наместника фракийского царя Садала. Из декретов Месембрии следует упомянуть №№ 307 и 314. Первый декрет из Месембрии сообщает важные сведения о зависимости Месембрии от фракийских царей в начале III в. до н. э., второй относится к периоду после занятия города войском Лукулла в 72 г. до н. э.

Для истории связей Западного и Северного Причерноморья немаловажен декрет из Аполлонии (№ 392) в честь полководца Митридата Евпатора, прибывшего с союзным отрядом в город, очевидно для борьбы с римлянами.

По линии истории культов заслуживают внимания посвящения местным божествам: № 283 — $\text{Περὶ} \varphi \text{ Ἦρω: ἐπιχρόφ}$, № 284/290 — $\text{Ἦρω: Καρὰ} \beta\alpha\sigma\mu\varphi$ (встречается также начертание $\text{Καρὰ} \beta\alpha\sigma\beta\varphi$ с характерным для фракийского колебанием $\text{m} \rightarrow \text{b}$)¹² № 291 — Ἦρω: Τασαγεῖ , № 77/78 Ἦρω: Μανιμαζωῖ и др.

¹⁰ Ср. С. А. Ж е б е л е в, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 118 (прим. 2).

¹¹ Ср. Д. Дечев, Известия на Ин-та за Българ, История, V, 1954, стр. 367 слл. Неточно, см. Т. В. Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 21.

¹² Д. Дечев, Характеристика на Тракийския език, София, 1952, стр. 3/24—83/4.

Наконец, из области ономастологии отметим такие женские имена, как *Ιααθιδίς* (№ 133) и *Ιαθίς* (№ 256), *Καριδαζα* (№ 172), *Θιαθίους* (№ 185), *Βλωστι* (№ 188), *Θαθούς* (№ 200), а также имя *Σκόλλη* (№ 418), безусловно тождественное с именем скифского царя V века до н. э. (ср. Геродот, IV, 78—80)¹³. Спонтанное удвоение согласных (*Σκόλλη* вместо *Σκόλης*) — явление, засвидетельствованное для фракийской фонетики¹⁴. Надпись № 418 ценна тем, что относится именно к V — IV вв. до н. э.

Следует напомнить, что балканский ареал дал нам и другие бесспорные свидетельства (археологические и эпиграфические) для имени Скил: *Σκυλεω* на перстне из Румынии V века до н. э.¹⁵ и *Scilus* в надписи римского времени из Дакии (CIL, III, 4377).

Переходя к критическим замечаниям, я должен оговориться, что они почти все формального или технического свойства.

Начнем с альбома. 375 памятников представлены в первом томе в фотографиях с оригинала, около 90 представляют собою фотокопии. В тех случаях, когда это снимки с печатных изданий, не воспроизводящие ни особенности эпиграфического шрифта, ни археологические подробности памятника (ср. № 41 на табл. 14, № 46 (2) на табл. 19, № 80 на табл. 30 и т. д.), придется согласиться, что они не могут считаться равноценными фотоснимкам с оригиналов. Далее, для того чтобы фотоснимки с оригиналов могли служить источниковедческим пособием, необходимо давать их в некоторых случаях более крупным планом, чем это сделано у Г. Михайлова (ср. № 47 (1), 88—90, 102, 154, 220 (1), 270—274, 285 и др.).

Среди указателей мы бы хотели видеть список музеев, где хранятся надписи, список утерянных надписей и конкорданции к предшествующим изданиям, хотя бы к наиболее важным (CIL, ADP, ИБАИ, Бешевлиев).

Приблизительные восстановления стереотипных фраз и формул (№ 62, стк. 1, № 320) в тех случаях, когда от всей строки ничего не дошло, следовало бы печатать курсивным шрифтом или снабдить сокращением e. g. (=exempli gratia).

При восстановленных именах собственных осторожнее было бы в некоторых случаях ставить вопросительный знак. Так, в № 63 A ([...³Ιουλίη Δ]όμν[η...]), где может читаться любое другое сочетание имен с *Δομνός* или *Δομνός*, даже неизвестно, женское ли имя перед нами; полагать, что здесь имя императрицы, весьма сомнительно. В № 205 можно читать имя [³Απελ]λᾶς, встречающееся в надписи № 46 пять раз, вместо [³Απολ]λᾶς издателя. То же в надписи № 294, стк. 1. В надписи № 289 имя жреца можно восстановить как *Аполлонид*, а не *Аполлоний* и т. д.

В заключение небольшая информация о последующих томах I GrB. Все издание рассчитано на пять томов. Второй том охватит надписи, найденные между Дунаем и Гемом (Малые Балканы), третий том — надписи, обнаруженные между Гемом и Родопами, а четвертый — надписи Сердики, Пауталии и Никополя, пятый — указатели.

Будем надеяться, что в скором времени проф. Г. Михайлов обрадует нас очередными томами корпуса.

Б. И. Надаль

¹³ Мы принимаем чтение Ж. и Л. Робер *Σκόλλης* (род.) τῆς Ἀρτεμιδῶρω вместо *Σκυλληστῆς* Артемиδῶρο издателя.

¹⁴ Д е ч е в, ук. соч., стр. 27/28—87/88; Б. И. Н а д а л ь, Фонетические явления фракийского и иллирийского языков, «Вопросы языкознания», 1956, № 4, стр. 80.

¹⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч — С. И. К а п о ш и н а, К вопросу о местных элементах и культуре античных городов Северного Причерноморья, СА, XV (1951), стр. 163, прим. 2.

*J. ČERNÝ and A. CARDINER, Hieratic ostraca, Oxford, 1957, X+36 стр. и 115, частично двойных, таблиц.*³

В ряде музеев мира и в различных, иногда очень обширных частных коллекциях уже многие десятилетия хранятся многочисленные остраконы (обломки известняка или черепки глиняных сосудов) с иератическими надписями. Трудность их чтения, вызываемая как формой написания, так отрывочностью и очень часто фрагментарностью самих текстов, привели к тому, что в своем большинстве они остаются неизвестными. До тридцатых годов, кроме статей, посвященных отдельным остраконам и факсимильного воспроизведения группы этих памятников Британского музея¹ имелись каталоги лишь остраконов Каирского² и Берлинского³ музеев, равно как музея в Торонто⁴. Однако указанные издания не исчерпывали собрания таких музеев, как Каирский, не говоря уже о том, что коллекции ряда иных музеев и крупные собрания отдельных лиц по-прежнему оставались недоступными исследователям, а число иератических остраконов, обнаруженных при раскопках, продолжало возрастать: только в Дейр эль Медина за 1949—1951 гг. их было обнаружено свыше семи с половиной тысяч.

В последние десятилетия появились работы Я. Черного, который опубликовал новый том остраконов Каирского музея⁵, а затем начали выходить издания остраконов, найденных Французским Археологическим институтом в Каире⁶. Большая ценность этих изданий определяется тем, что они сделали доступными для специалистов около тысячи остраконов разнообразного содержания, воспроизведенных в виде фотографий или отлично сделанных автографий и снабженных надежной пероглифической транскрипцией.

Дальнейшим и значительным шагом в деле публикации иератических остраконов является рецензируемая книга. В ней издано 337 остраконов: все они (за исключением одного, происходящего из Фаюма) были, по-видимому, найдены на западном берегу Нила, напротив Карнака и Луксора, во время производившихся в Фивах раскопок. Точных сведений о том, где был найден тот или иной остракон, к сожалению, нет, но я думаю, что не будет ошибкой предположить, что в своем большинстве они происходят из Дейр эль Медина. Они датируются временем XVIII—XX династий. Хотя надписи на некоторых из опубликованных в данной работе остраконах упоминались уже раньше в различных работах, главным образом Гардинера и Черного, весь материал был недоступен исследователям: лишь 28 остраконов были так или иначе изданы ранее, а еще три — известны по переводам.

В книге дана транскрипция всех публикуемых в ней надписей и факсимильное или фототипное воспроизведение большинства из них: не воспроизведены наиболее пострадавшие от времени и те, которые оказалось невозможно скопировать. Однако во всех случаях, когда надпись не воспроизведена, приводятся одна—две ее строки, которые позволяют судить о почерке. Все копии надписей, за исключением имеющихся

¹ S. Birch, *Inscriptions in the hieratic and demotic character from the collections of the British Museum*, L., 1868.

² G. Darussy, *Ostraca, «Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire»*, № 25001—25385, Le Caire, 1901.

³ «Hieratische Papyrus aus den Königlichen Museen zu Berlin», т. III, Lpz, 1911, табл. 26—42 (A. Gardiner).

⁴ «Theban ostraca, edited from the originales, now mainly in the Ontario Museum...», part I. Hieratic texts, by A. Gardiner, L., 1913.

⁵ J. Černý, *Ostraca hiératiques, «Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire»*, № 25501—25832, Le Caire, 1935.

⁶ «Documents de Fouilles publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire», J. Černý, *Catalogue des ostraca hiératiques non littéraires de Deir el Médineh*, т. I—V, Le Caire, 1935—1951; G. Posener, *Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el Médineh*, т. I—II, Le Caire, 1938—1954.